

Артём Соби́нин

Предисловие

В этом предисловии будет очень много предположений и догадок, но история романа, что ныне представляется на суд русскоязычных читателей, достаточно загадочна, а факты, относящиеся к нему, довольно скудны.

Но начнём по порядку. После смерти КЭВ друзья, разбивавшие его личные вещи, обнаружили почтовый пакет, а в нём — несколько авторских экземпляров книги, в которой был опубликован один роман — «Другая женщина!». И эта книга не значилась ни в одной библиографии Вагнера, и о ней он ни разу не обмолвился ни одним словом ни закадычному другу детства Джону Майеру, ни другу (и редактору) своих зрелых лет Стивену Джонсу (несколько лет назад Стивен пытался купить экземпляр книги, обещая, что попытается переиздать её в Англии). На обложке автор был указан как Кент Аллард.

Наследники Вагнера, с одной стороны, не отрицали авторства, но, с другой, ими не было предпринято никаких попыток переиздать это произведение.

Следует сразу оговорить, что эта книга — чистейшее порно (но в любопытном антураже), которого в те годы выходило в США довольно много. Спрос на этот жанр заметно упал с появлением видеомагнитофонов и открытием

видеосалонов, но его элементы переместились в фантастику (Фармер, Танит Ли).

Фэны КЭВ начали вдумчиво просматривать творчество автора — а не обмолвился ли он где-нибудь об этом произведении. И им удалось найти пару зацепок. В рассказе Вагнера «Ни зверь, ни человек» главный герой (Тревор Нордгрэн) — автор, под псевдонимом писавший на заре своей карьеры порно, в том числе и для издательства Вее Line (как раз и выпустившего «Другую женщину!»), прекрасно разбирающийся в этом бизнесе (он ностальгирует: «И оплачивать счета тем замечательным 1000-долларовым чеком от Вее Line за 60 000 слов порнухи»), и среди произведений, вышедших из-под его пера, числится книга «Другая женщина». И ещё одна — это шуточное интервью Шелдона Джеффери, где, помимо прочего, приведено письмо некоего автора. И этот автор — Кент Аллард.

Два главных вопроса, остающиеся без ответа, это почему Карл нигде не заявлял, что написал порнороман (к примеру, не менее именитые авторы, такие как Оффут и Силверберг, абсолютно не скрывали, что ради заработка пишут в столь специфичном жанре), хотя в ряде его последующих произведений присутствуют порносцены, и почему его наследники так и не переиздали этот роман, притом что они дали согласие на публикацию как рассказов Карла с наличием подобных сцен, так и текстов, написанных Вагнером ещё совсем юным (имеющих ныне интерес лишь для очень больших поклонников творчества автора).

Ответ, по всей видимости, кроется в биографии Вагнера. В конце 60-х годов было неочевидно, что ему удастся стать писателем и редактором. Изначально КЭВ готовился стать

врачом (он закончил Университет штата Северная Каролина с дипломом врача-психиатра и даже успел поработать в клинике). Учёба продвигалась со сложностями, и Карл даже прерывал своё обучение (ему пришлось один курс проучиться заново, чтобы её продолжить). В 1970 году он наконец сделал окончательный выбор в пользу карьеры профессионального писателя.

События в романе разворачиваются в медицинском учреждении, где главный герой (тот ещё раздолбай) проходит интернатуру. Автор демонстрирует прекрасное знакомство с порядками в таких учреждениях. Жизненный опыт у КЭВ к моменту публикации романа был небольшим, и вполне вероятно, что персонажи в нём (но не ситуации, в которых они оказываются, очень часто описанные с большой долей юмора) были им списаны с натуры. В США очень легко попасть под иск о клевете, и, возможно, именно это главная причина того, что Карл держал язык за зубами (сложно сказать, относится ли это к его наследникам).

Но, помимо врачей, в романе присутствует ещё один отрицательный персонаж — женщина, имеющая отношение к литературе, и здесь вновь нужно посмотреть на факты биографии КЭВ. Карл к моменту публикации «Другой женщины!» был автором всего одной изданной книги (и ещё одна в виде сборника повестей готовилась к изданию). И эта первая его книга оказалась зверски изуродована, сокращена на несколько десятков тысяч слов и отредактирована, так что герой то светлокожий, то смуглый, то рыжий, то брюнет. Некоторые пользователи сети задаются вопросом, а не был ли этот неизвестный редактор прототипом этой женщины.

Так что в итоге нельзя исключить, что роман «Другая женщина!» в определённой степени — это своего рода месть.

Немного о самом издании. Публикаций романа было два (в 1973 и 1975 годах). Один из фэнов творчества КЭВ (имеющий в своей коллекции оба издания) провёл их сравнение. Всё их отличие — в номере на обложке (503-00943-195 и 513-01161-22) и в цене (1.95 и 2.25), что, вероятно, говорит о том, что второй тираж был меньше.

Нынешняя цена (за покот в мягкой обложке) для многих может показаться заоблачной. Последние торги на сайте eBay (в начале 2022 года) завершились на цифре в чуть больше двухсот долларов.

Можно сказать, что если это и не самая дорогая книга Вагнера, то уж точно самая редкая. Вряд ли кто-то сможет точно сказать, сколько сохранилось экземпляров книги, но всплывают они крайне редко. Всего с момента обнародования информации о том, что этот роман принадлежит перу Карла, всплыло около двадцати экземпляров (и, опять же, книги из второго тиража более редки).

Мне понадобилось семь лет, чтобы добыть этот роман.

Так как нельзя исключить, что роман в определённой степени автобиографичен, было решено дополнить эту книгу ещё двумя разделами. Первый — это интервью автора разных лет, а второй — это воспоминания людей, достаточно хорошо его знавших.

И с этой книгой завершена работа по переводу беллетристики (она переведена вся, за исключением одного комикса и нескольких стихотворений) КЭВ, начатой в трёх томах его Малого собрания сочинений. Перевод чего-то нового возможен лишь после публикации из его архива.

Карл Эдвард Вагнер

Другая женщина!

Karl Edward Wagner – «The Other Woman!»

I

— Я слышал, доктор Гриф вызвал тебя на одно из своих совещаний — ухмыльнулся Фельдман, перегибаясь через стойку сестринского поста.

Рассел Уотсон, уже несколько месяцев доктор Уотсон, смущённо поднял взгляд от разложенных перед ним карт. Отчёт о физическом осмотре Филлис Фулхэм давался ему нелегко. Его попытки начертать профессиональное описание пышной блондинки получались бессвязными из-за её сорокадвухдюймовой груди, и прежде чем он смог закончить её гинекологический осмотр, тугая выпуклость в его белых брюках грозила взорваться. Но как только с картами будет покончено, пациентка на предстоящую ночь будет передана под опеку интерна, и Рассел сможет позаботиться о терапии для своего набухшего члена.

— Увы, — печально признал он, — какой-то ублюдок из ординатуры пожаловался ему, что я легкомысленно отношусь к своей работе. Наш любимый начальник от медицины

изо всех сил постарался донести до меня мысль, что такое отношение недопустимо здесь, в Мемориальном Медицинском Центре.

Фельдман сделал притворно-серьёзное лицо.

— Конечно такое невозможно! И что ты ответил старому пердуну?

— Что, чёрт возьми, я мог ему ответить? О, я заверил его, что кто-то всего лишь неверно истолковал мою манеру держаться у одра больного и что моё отношение к медицине нельзя назвать иначе как трезвым и торжественным.

Его коллега-интерн саркастически ухмыльнулся и посмотрел на часы.

— Поторопись, и я куплю тебе пива по дороге домой.

— Я думал, ты сегодня на дежурстве.

Фельдман покачал головой.

— Предполагалось, но я уболтал Чака махнутья со мной сменами. Купил билеты на рок-концерт, что устраивают сегодня вечером в Университетском Колизее. Бет намекала, что хотела бы сходить, и мне интересно посмотреть как она выглядит, надев что-нибудь, помимо белого.

— Кто бы спорил, — пробормотал Рассел, мысленно представив себе доктора Бет Доусон — потерю «Плейбоя» и надежду гинекологии. Одновременно он начал изучать краткое изложение жалоб миссис Грейс Бессинджер за сегодняшний день. — Господи! Таггарт отвечает на звонки сегодня вечером? Боже, помоги нашей медицине!

Он с хлопком закрыл последнюю карту.

— Закончил?

— Да. Давай свалим отсюда к чёрту, пока что-нибудь не случилось. Как думаешь, может, мне стоит посоветоваться с Таггартом?

— Если хочешь проторчать здесь ещё час. Он занят заполнением патентованной пятидесятистраничной истории болезни того нового пациента, что прибыл из Кроссвилла с воспалением средней части желудка. Кроме того, я видел, как он делал заметки во время обхода.

Расс бросил карты обратно на стеллажи, подмигнул Рокси Дюма, что щурила свои большие карие глаза, пытаясь разобраться в нацарапанных им распоряжениях. Коричневое личико Рокси надулось в ответ, и она высунула язык. Ночная смена уже приступила к работе, так что не было смысла искать Джейн Каммингс среди одетых в белое фигур, спящих по больничным коридорам.

— Тогда встретимся в У Чарли? — спросил он.

Дэйв кивнул.

— Да, я подгоню туда свою машину. Есть немного времени до того, как мне нужно будет переодеться в гражданскую одежду и забрать Бет.

Расс поспешил в расположение интернов и толкнул дверь клетушки, где он провёл прошлую ночь. В крошечной палате были две кровати, и он отметил, что кто-то застелил ту, на которой он украдкой несколько раз вздремнул между вызовами к пациентам. В стерильно выглядящем помещении стояли два маленьких комода, и на одном из них были аккуратно разложены чьи-то вещи. Поскольку прошлой ночью комната была предоставлена в распоряжение Расса, он

предположил, что интерн, что заступил сегодня вечером, уже въехал.

Он быстро схватил свои личные вещи: брезентовую лётную сумку с туалетными принадлежностями, сменой одежды и кое-чем ещё. Это кое-что приятно булькало. Доктор Уотсон ухмыльнулся при этом звуке, сунул руку внутрь и извлёк недопитую кварту бурбона.

Критически оглядев янтарное содержимое, он подумал, что было бы грешно не прикончить бутылку. Кроме того, после всего того, что он пережил за последние тридцать шесть часов, очевидно, что в целом мире никто больше не заслуживал быстрого взбадривания. Он перевернул сосуд и влил в себя лекарство.

Бурбон приятно обжёг ему горло, когда он его проглотил. Расс одобрительно вздохнул и направился в крошечную ванную комнату. Налив себе стакан воды, он засунул свои принадлежности для бритья в лётную сумку, а затем запрокинул бутылку, чтобы сделать последний глоток. Это оказался долгий глоток. В квартире оказалось больше, чем он предполагал.

Расс подхватил свою лётную сумку горлышком пустой бутылки, щёлкнул выключателем и двинулся к выходу из ванной. В этот момент наружная дверь запахнулась.

Доктор Пол Хупл ворвался в помещение своей стремительной походкой, нахмурился и огляделся по сторонам. Затем он взглянул на свои часы.

Укрывшись в затемнённой ванной, Расс наблюдал за ним через щель между дверью и косяком. Взгляд, которым он смотрел на тощего интерна, был хмурым. Доктор Пол Хупл был назойливым тщеславным целующим начальственные

задницы маленьким засранцем. Одновременно доктор Пол Хупл был гордостью медицинского факультета. Расс поглядел на пустую бутылку в своей руке, размышляя, куда её можно выбросить, ведь если Хупл её увидит, Хупл не одобрит, и Хупл позаботится о том, чтобы доктор Гриф немедленно всё узнал.

Расс решил вести себя тихо в надежде, что Хупл повернётся и уйдёт.

Но Хупл не ушёл. Вместо этого ещё кто-то влетел в комнату и закрыл за собой дверь.

— Извините если опоздала! — пропыхтела медсестра Норрис.

Хупл хмуро посмотрел на невысокую рыжеволосую медсестру и постучал по часам.

— Опоздали почти на полторы минуты, медсестра Норрис. Нам придётся обойтись без... прелюдии, если я хочу увидеть своего пациента ровно через шесть с половиной минут.

— Мне ужасно жаль, — извинилась она, запирая дверь. — В следующий раз я приду вовремя, доктор Хупл.

— Буду на это надеяться, — пожурил Хупл. — Если бы не обнаруженный мною факт, что для достижения максимальной умственной активности требуется совершать половой акт каждые три дня, я бы никогда не тратил на это время. Однако нельзя игнорировать биологическую функцию. Поторопитесь, сестра Норрис.

Пышногрудая рыжеволосая медсестра опустилась на край жёсткого матраса и задрала белую юбку до талии.

Расс вытаращил глаза.

— Я сделал всё, как вы приказали, доктор Хупл, — сказала Норрис, — так что нам не придётся тратить время на

в аварии — одно из преимуществ его направления медицины перед акушерством.

По коридору послышались шаркающие шаги, потом они затихли, и кто-то заглянул в открытую дверь зала для совещаний.

— О, привет, Расс, — поприветствовал его голос. — У тебя была тяжёлая ночь?

Уотсон поднял взгляд и устало улыбнулся вновь прибывшему. Это был Рой Гринфилд, студент третьего курса, который подвизался под началом Расса во время прошлого семестра. Гринфилд, очень похожий на «новую волну» студентов-медиков, был как головной болью, так и гордостью медицинского факультета. Таким образом, Расс признал в нём родственную душу, а Рой считал его союзником.

— Не так чтобы очень, — ответил Расс. — Но какого чёрта ты всё ещё здесь болтаешься? Я всегда думал, что у тебя достаточно здравого смысла, чтобы не торчать в этой дыре всю ночь.

Рой выругался и откинул волосы с глаз.

— Этот сукин сын Пол Хупл стажирует меня в этом месте.

Слишком хорошо помня Звёздного Интерна Мемориального Медицинского Центра, Расс сочувственно хмыкнул.

— Он заставил тебя проторчать здесь всю ночь, верно?

— Да, чёрт возьми. Он пожаловался на меня хуесосам, которые принимают здесь решения, и главный ординатор отдал меня ему на растерзание. Так что сегодня я был его рабыней. — Он вытянул указательный палец и изобразил вводящее движение. — Заставил меня делать ректальные

анализы каждому пациенту в палате без использования перчаток.

Расс покачал головой, задаваясь вопросом, серьёзно ли это говорит студент.

— Продолжай в том же духе, и твой указательный палец станет столь же коричневым, как и нос Хоуп.

— Ну, этот убудок здесь единственный, кто может провести тест на бензидин в кале, просто высморкавшись, — продолжил Гринфилд. — Планируешь завалиться на койку, Расс?

Уотсон размял свои напряжённые мышцы.

— Наверное... не похоже, что поступит кто-то ещё. Хотя, конечно, не помешало бы выпить: мои нервы натянуты, как струны банджо.

— Да? — Гринфилд задумчиво посмотрел на него. — Как насчёт кое-чего, что поможет тебе расслабиться?

Расс вопросительно вскинул брови.

— Не хочешь немного зелья перед сном?

— О? — поинтересовался Расс с достойным интересом.

— Да, чувак, — заверил Рой, роясь в своей чёрной сумке. — Хочешь разделить косяк? Насколько я помню, на западном побережье тоже есть такая штука. — Он вытащил контейнер из-под больничных тампонов и вытряхнул скрученный жёлтый косяк размером с сигару. — Банановая бумага, — гордо объявил он, взмахнув им.

— До сих пор я не знал, что третьекурсники таскают наркотики в своих чёрных сумках, — пробормотал Расс, нервно поглядывая на дверь зала для совещаний.

— Конечно. Как ещё нам по-настоящему понять природу Убийцы Молодости?

— Похвальный подход, я уверен, — признал Расс. Хотя его возраст почти вывел его за грань зарождающейся наркокультуры, он счёл нужным изучить этот феномен из первых рук, прежде чем получить степень бакалавра. — Хотя я не думаю, что мне следует сейчас потакать тебе. Я всё ещё на дежурстве... И, о Господи, это всё-таки больница.

— Без проблем, — беззаботно объявил Гринфилд. — Можно пыхнуть в лаборатории общей анатомии, никто не сунется туда в это время ночи. Чёрт, как по-твоему, нам, студентам, вообще удаётся высиживать эти невозможные лекции первые два года?

В любом случае, ты сам сказал, что сегодня вечером никто не придёт... и мы просто разделим этот косяк. Это кое-что новенькое из того, что я давно хотел попробовать, поговаривают, что это хорошее зелье. Из тех что сразу отправляют тебя в страну грёз. Готов к этому?

— Что ж... — решил доктор Уотсон.

Как и ожидалось, лаборатория общей анатомии была пуста... ну, или, по крайней мере, сорок с лишним её жильцов не собирались вскакивать и вызывать полицию. Рой толкнул дверь и обвёл взглядом затемнённую комнату. Аккуратные ряды накрытых пластиковыми листами столов, охраняемые вдоль стен несколькими потрёпанными скелетами были всем, что их приветствовало.

— Ах! Ад Данте! — провозгласил он. — Заходи и давай порезвемся с этими жмуриками.

— Ну, не знаю, — беспокожно пробормотал Расс. — Я пообещал себе никогда больше не переступать порог этой отвратной лаборатории.

— Всё это ради благого дела, — подхватил Гринфилд. Он прислонился к одному из каменных столов и запалил от спички толстый косяк. Глубоко вдохнув, он передал его Рассу. Расс кашлянул и передал его обратно.

— Хорошая штука, верно?

Интерн боролся с кашлем.

— Думаю, я не в форме. Господи Иисусе! У этой дряни странный вкус, да и воздух здесь адский для лёгких.

Рой кивнул и вернул косяк. К вездесущему запаху формалина и законсервированных трупов добавился новый, ещё более тошнотворный запах. Недавно тут нашлось дело пилам по кости, и верхняя часть черепа каждого трупа была отпилена наподобие аккуратной тубетейки, чтобы нетерпеливые студенты-первокурсники могли препарировать мозг. Трение лезвия обожгло забальзамированные кости и ткани, вызвав отвратительное зловоние, которое стояло и сейчас.

— Эй, а ты знаешь, это довольно забористая штука, — признал Расс.

— Мне говорили, что это Красная Панама — каннабис высшего качества, — сказал ему Гринфилд, начиная расплываться в ошеломлённой ухмылке.

Безмолвные задрапированные пластиком фигуры начали приобретать угрожающие очертания перед ошеломлённым взором Рассы.

— Давай включим несколько ламп, — пробормотал он, щёлкая клавишами каких-то потолочных светильников.

Рой издал дымный смешок и весело предположил:

— Интересно, вдыхание всех этих паров из анатомической лаборатории забальзамирует наши лёгкие?

— Я думаю, что вот это уже забальзамировало мой мозг, — ошеломлённо ответил Уотсон. Он передал обратно окурок, с которого уже ссыпался пепел. Окурок был уже использован до такой степени, что представлял опасность для их усов.

Из коридора за дверью послышались шаги. Кто-то целенаправленно направлялся к лаборатории общей анатомии в конце коридора.

— Кто, чёрт возьми, решил притащиться сюда в такое время ночи! — выругался Гринфилд, с ужасом глядя на единственную дверь лаборатории.

— Должно быть, один из сторожей решил сделать обход! — предположил Расс. — Брось этот бычок! Попробуем сблефовать!

— Куда? — спросил Рой, растерянно озираясь в поисках пепельницы, чтобы затушить тлеющий окурок.

— Куда угодно! — ободряюще ответил его бывший наставник. Он сорвал пластиковую простыню с ближайшего к ним трупа.

Дверь распахнулась настежь. В отчаянном порыве Гринфилд сдёрнул с головы расшатанную тубетейку и бросил тлеющий бычок в пустой контейнер для мозгов.

— Ну, я должен заметить, что это сюрприз, — заметил слишком знакомый голос. Измождённое лицо доктора Грифа печально взирало на них с порога. Его костлявая фигура решительно прошагала через лабораторию, выглядя для затуманенного взора Расса как мстительный труп, сбежавший со своего одра.

— Я увидел, что в анатомической лаборатории горит свет, — продолжил он, — и решил заглянуть посмотреть,

кто из студентов настолько прилежен, что работает над своим заданием по вскрытию так поздно ночью. Должен честно сказать, что нахождение вас двоих здесь в высшей степени неожиданно.

Расс пнул Гринфилда чтобы заставить его подобрать отвисшую челюсть.

— Ах да, доктор Гриф, — начал он. — Молодой Гринфилд попросил меня помочь ему в изучении анатомии, поэтому после того, как я закончил со своими пациентами, я предложил провести с ним несколько часов в лаборатории. Я нахожу, что свободное время, проведённое за просмотром вскрытия весьма ценно для молодого врача.

— Похвально, доктор Уотсон, — бесстрастно сказал доктор Гриф. — Возможно, я недооценил вас.

— Доктор Уотсон был бесценным наставником для меня в начале моей медицинской карьеры, — провозгласил Рой приглушённым голосом.

— Вы не чувствуете запах чего-то горящего? — спросил доктор Гриф, подозрительно принохиваясь.

Рой, казалось, прикидывал свои шансы выпрыгнуть из окна.

— Тут работали костяными пилами, — поспешно указал Расс. — Требуется некоторое время, чтобы этот запах выветрился.

Маска на лице доктора Грифа кивнула.

— Что ж, продолжайте свою экспертизу, джентльмены. Меня всегда интересуют студенты, которые пытаются улучшить свои знания в области медицины, и штатный персонал, что готов им помочь. Просто не обращайтесь на меня внимания.

широко расставив волосатые ноги. Она ненавидела жёсткий больничный матрас. Она ненавидела вытяжной аппарат, что приковывал её к кровати, как жертву на средневековой дыбе для пыток. Она несколько раз подумывала о том, чтобы послать своих глупых врачей к чёрту и выписаться вопреки их советам. Но лежать здесь означало, что у неё были десятки людей, которые должны были прислуживать её рукам и ногам: пресмыкающиеся молодые санитары. Съёжившиеся молодые медсёстры.

Руби Эскли нравился этот аспект её госпитализации. В действительности это настолько пришлось ей по нраву, что она решила остаться ещё на неделю. Это было в кайф — иметь рядом такое количество жеманных рабынь, готовых вскочить в ту секунду, когда её толстые пальцы нажмут на кнопку вызова. Она отлично их вымуштровала, размышляла она с улыбкой, вспоминая слёзы в глазах этой глупой чёрной медсестры, когда та была вынуждена оказать своей госпоже совершенно особую услугу.

Она никак не могла знать, что семена мятежа были посеяны в её личной империи.

Этим утром она возлежала в довольно скверном расположении духа, хотя ещё и не подозревала, что уже прозвучали первые выстрелы.

Причина, по которой её настроение было ещё более звериным, чем обычно, заключалось в том, что она практически не спала этой ночью. Примерно каждый час её будила одна из медсестёр, которая приходила, чтобы дать ей проглотить таблетку. Ей объяснили, что это было новое лекарство, которое доктор Уотсон прописал после того, как увидел результаты некоторых назначенных им анализов.

Этого туманного намёка оказалось вполне достаточно, чтобы притупить остроту её жалоб на то, что её беспокоят. Что такого могли обнаружить врачи? Беспокойство оказалось достаточно сильным, чтобы она не спала в перерывах между приёмом лекарства, мысленно прокручивая симптомы в своей голове.

Затем, когда наконец усталость погрузила её в крепкий сон, её снова разбудила медицинская сотрудница, которая поинтересовалась, не хочет ли она снотворного.

Полная пациентка в ярости выругалась на это, но вместо того, чтобы съёжиться, сотрудница посмотрела на неё с жалостью и объяснила, что доктор Уотсон был обеспокоен тем, что её симптомы будут мешать ей спать. Руби смолкла на полуслове, её беспокойство вернулось сильнее, чем когда-либо.

Пришёл рассвет, она лежала без сна, с красными глазами, и её нервы были в столь же плохом состоянии, как и её сильно обгрызенные ногти.

На обходе доктор Уотсон был удручающе заботлив. Ему удавалось уклоняться ото всех её вопросов с видом глубокой таинственности. Несколько раз она видела, как он проходил мимо её двери, вчитывался в медицинскую карту в своей руке (почти наверняка — её), качал головой и вздыхал.

Когда она наконец позвала его к себе в комнату и потребовала всё рассказать, как бы плохи не были её дела, доктор Уотсон улыбнулся с фальшивой весёлостью и сказал ей, что она должна быть храброй.

— Я не хочу ставить какой-либо определённый диагноз до того, как будут собраны и осмыслены все анализы, —

сказал он ей, и его голубые глаза были серьёзны. — Естественно, мы не хотим вызывать ненужное беспокойство, ведь не исключено, что наш диагноз окажется ошибочным в таком потенциально тяжёлом случае, как... то есть, мы хотим удостовериться в наших подозрениях. И в любом случае, моя дорогая леди, вы никогда не должны терять надежду. Современная медицина каждый день совершает новые прорывы.

На грани нервного срыва профессор Эскили не подала ни одной жалобы, поскольку десятки медсестёр и лаборантов входили в её палату и выходили из неё. Ей пришлось вытерпеть все мыслимые испытания. Ей сделали рентген и сканирование. Её вены отдали галлоны крови бесчисленному количеству техников в белых халатах с пробирками с синими, красными, жёлтыми, зелёными, лавандовыми, чёрными или белыми резиновыми пробками. Ей давали таблетки, чтобы она их глотала; микстуры, чтобы она их выпивала; уколы, чтобы она их терпела. Были взяты образцы её слюны, мочи, кала. Были сделаны кожные соскобы. Её печень была прощупана, а глаза — осмотрены. Ухмыляющийся азиат в очках с толстыми линзами, похожий на беглеца из фильма о Второй мировой вкатил аппараты для измерения её сердцебиения и мозговых волн.

Казалось, что все силы Мемориального Медицинского центра были брошены на борьбу с её симптоматикой. Её симптоматикой! Это странным образом заставляло её чувствовать гордость за то, что все эти люди были к ней неравнодушны. Затем до неё внезапно дошло, что если её заболевание было столь серьёзным, что потребовался весь персонал больницы, чтобы подтвердить диагноз...

Руби Эскли обгрызла ногти до второго сустава и уже подумывала о том, чтобы заняться ногтями на ногах, когда началась третья фаза Заговора доктора Уотсона.

— Послушай, ты не мог бы мне помочь? — обратился Расс к доктору Полу Хуплу после утреннего обхода.

От удивления Хупл едва не выронил свою кофейную чашку. Он всегда считал доктора Уотсона слабомотивированным придурком и предполагал, что другой интерн завидовал его собственному значительному мастерству и способностям. Но нельзя было исключить, что доктор Уотсон оказался в тупике и мудро решил обратиться со своей дилеммой к лучшему интерну Медицинского Центра.

— Могу, а, собственно, в чём проблема? — по-отечески спросил Хупл.

Расс выглядел обеспокоенным.

— Ну... в общем, у меня есть пациентка с 7 Западной, Руби Эскли. У неё смещение диска, но, работая с ней, я обнаружил кое-какие симптомы, которые, по-видимому, никак не связаны с её случаем. И всё же они заставили меня задуматься, поэтому я заказал несколько тестов. Сейчас я не могу быть уверен, но, похоже, у меня на руках случай синдрома Ханчуоллоу-Фернбаха.

— О? — Хупл начал отчаянно рыться в своих мысленных картотеках в поисках синдрома Ханчуоллоу-Фернбаха.

— Да, — признался Расс. — Я знаю, что это сложный случай, и диагноз, возможно, притянут за уши. Как ты, наверное, помнишь, в литературе сообщалось всего о двух таких случаях.

— Конечно, — кивнул Хупл, удивляясь, откуда Расс может быть осведомлён о синдроме, о котором он сам никогда даже не слышал.

— Сам понимаешь, какой фурор это произвело бы на Большом Медицинском собрании клиницистов, — продолжил Расс. — Не говоря уже о том, что об этом написали бы в «Новом Английском журнале». Конечно, я пока не хочу рисковать идти с этим наверх — по крайней мере, до того, как я не буду уверен в своём диагнозе.

— Конечно, — сказал сбитый с толку Хупл.

— В любом случае, это не просто лесть, когда я говорю, что твои таланты не вызывают никаких сомнений у остальных интернов здесь, — продолжил Расс. — Так что если бы ты мог... ну, в некотором роде разобраться с этой пациенткой самостоятельно, после чего можно было бы посмотреть, совпадут ли твои выводы с моими... Если всё так, тогда я буду уверен, что у нас на руках настоящий синдром Ханчуоллоу-Фернбаха, и я позволил бы тебе обнародовать результат на Большом Медицинском собрании клиницистов.

— Да, — протянул Хупл, чьи глаза засияли, когда он мысленно представил себе эту картину. Он мог зреть театр изумлённых лиц во время торжественных обходов, видел, как доктор Гриф бросается вперёд, чтобы похлопать его по плечу, слышал аплодисменты своих впечатлённых коллег. И запись в журнале: «Хупл обнаружил третий случай синдрома Ханчуоллоу-Фернбаха». Конечно, он позволит Рассу получить свою толику славы...

— Думаешь, у тебя найдётся время подтвердить мой диагноз? — серьёзно спросил Расс.

— Ну конечно, я найду время, чтобы помочь коллеге-интерну, — великодушно заверил его Хупл. — Конечно, мне потребуется сделать несколько собственных анализов...

С мечтами о славе, танцующей перед ним, Хупл помчался в библиотеку Медицинского Центра, чтобы посмотреть литературу по синдрому Ханчуоллоу-Фернбаха и заодно выяснить, что, чёрт возьми, это вообще такое.

— Да, кусок дерьма, я тоже надеюсь, что ты сможешь мне помочь, — без улыбки сказал Расс.

Доктор Чарльз Джексон Таггарт задумчиво нахмурился и допил свой третий стакан пахты. Он считал, что откровения доктора Уотсона надо начинать выслушивать со второго её стакана. Он был весьма удивлён, когда Расс сел рядом с ним в больничном кафетерии. У него было чувство, что доктор Уотсон, возможно, имеет на него зуб после того, как несколько ночей назад он отправил светловолосому интерну пятерых пациентов из отделения неотложной помощи.

Да, видимо, дело было в том, что доктор Уотсон пытался загладить свою вину. Иначе зачем он сейчас к нему обратился с этим невероятным тематическим исследованием? Доктор Таггарт почесал свою густую чёрную бороду: что это может быть за синдром Ханчуоллоу-Фернбаха? Он всегда гордился тем, что знал каждое малоизвестное расстройство и симптом. Странно: доктор Уотсон никогда не производил впечатления человека, интересующегося подобными медицинскими мелочами.

— Хмм, Расс, — крикнул Таггарт своим раскатистым голосом. В другом конце кафетерия посетитель упал со стула, когда рёв Таггарта пробудил его от дремоты. — Должен

сказать, что это действительно звучит интересно. Говоришь, только о двух случаях ранее сообщалось? Что ж, я буду рад помочь тебе подтвердить твой предварительный диагноз.

— Господи, Таггарт, неужели ты сможешь мне с этим дерьмом? Это действительно будет большим подспорьем. Я боялся, что недостаточно тщательно изучил историю болезни, и знал, что это будет первое, о чём у меня будут спрашивать.

— Ну, не волнуйся, — заверил его Таггарт. — Я проявлю особую щепетильность, вызывая подноготную пациента. Смело рассчитывай на меня!

Проглотив четвёртую порцию пахты, коренастый ин-терн отправился на поиски жертвы. «Сперва, — подумал он, — не мешало бы сходить в библиотеку, чтобы иметь под рукой все факты о синдроме Ханчуоллоу-Фернбаха. В конце концов, вполне возможно, что Расс наткнулся на нечто совершенно новое в анналах медицины».

Синдром Таггарта? Что ж, возможно, ему следует отдать толику должного Рассу. Таггарт-Уотсон?

Руби Эскли была совершенно измотана. Она чувствовала себя так, словно не спала месяцами и только что закончила переплывать Ла-Манш с лайнером «Королева Елизавета» на буксире. Если бы её нервная система не была в состоянии крайней паники, она бы заснула в одно мгновение.

Доктор Уотсон заявил ей, что собирается вызвать нескольких специалистов, сказал, что в таких серьёзных случаях ему всегда нужно второе или третье мнение. Пока три мнения. Она даже никогда не слышала, чтобы кто-то так болел. Она начала задаваться вопросом, доживёт ли она до следующего

рассвета. Какой бы несчастной она себя сейчас ни чувствовала, она не была уверена, что это имело значение.

По крайней мере, она получала достаточно медицинской помощи. Приходил этот компетентный на вид доктор Хупл. Он потратил почти четыре часа, проводя её медицинский осмотр. Казалось, к тому времени, когда он закончил, он должен был знать каждую её клеточку по имени. Сначала он казался сбитым с толку, но по мере того, как затягивался этот осмотр, она поняла, что он становится напряжённым, взволнованным. Очевидно, он обнаружил что-то очень очень серьёзное. Иначе зачем ему потребовалось вновь проводить все те исследования, назначенные доктором Уотсоном, плюс дюжину новых?

А потом притопал этот такой серьёзный доктор Таггарт. Он лично ковырялся и изучал около часа. И вопросы, которые он задавал своим бычьим рёвом! Все на этаже, должно быть, слышали их. Он заполнил весь блокнот заметками, и этот допрос тянулся часами. Руби охрипла, отвечая на все из них. Доктору Таггарту удалось законспектировать всю историю её жизни. Она задавалась вопросом, какое возможное значение могут иметь ответы на такие вопросы как: «Сколько раз в неделю ваши дедушка и бабушка вступали в половую связь и в каких позах?», или «Была ли у вас когда-нибудь канарейка с геморроем?», или «Вы когда-нибудь контактировали с сербом, больным корью?» Без сомнения, доктор Таггарт был очень скрупулёзным историком.

И наконец, появился этот рыжеволосый доктор Фельдман. Он не представился как психиатр, но вид этой трубки и немецкий акцент предупредили её с самого начала. Он задавал ей всевозможные смущающие вопросы о её сексуальной

Содержание

Предисловие. Автор А. Собинин 5

Другая Женщина!

К. Э. Вагнер «Другая женщина!

Перевод А. Собинина 11

Интервью с Карлом Вагнером

Т. Хьюитт «Зло пятнает добро в историях «меча-и-магии»

Перевод Р. Дремичева 237

С. Джонс

«Ткач тьмы: Интервью с Карлом Эдвардом Вагнером»

Перевод Р. Дремичева 246

Д. Эллиот

«Интервью доктора Эллиота с Карлом Вагнером»

Перевод Р. Дремичева 265

М. Блон, Ж.-Д. Брек, Ж.-П. Мумон, Р. Д. Нолан «Знакомство с Карлом Эдвардом Вагнером» <i>Перевод А. Мироновой</i>	309
Ч. Оустон «Интервью для «Dark Troubadour» <i>Перевод Р. Дремичева</i>	326
Б. Х. Сайнор «Требуется совершенство, нитики отваливают» <i>Перевод Р. Дремичева</i>	340

Взгляд со стороны

Д. Майер «Темная муза Карла Эдварда Вагнера» <i>Перевод А. Мироновой</i>	369
Д. Р. Вагнер «Брат Карл: История первая и последняя» <i>Перевод Р. Дремичева</i>	422
Ф. Гарфилд «Большой голландец» <i>Перевод Р. Дремичева</i>	427
П. Страуб «Разные встречи с Карлом» <i>Перевод Р. Дремичева</i>	430
Д. Дж. Шоу «Все хорошие друзья» <i>Перевод Р. Дремичева</i>	444
Б. Ламли «Карл Эдвард Вагнер: Сассенах» <i>Перевод Р. Дремичева</i>	453

Д. Кэмпбелл «Док Вагнер»	
<i>Перевод Р. Дремичева</i>	458
Р. Кэмпбелл «Друзья умирают»	
<i>Перевод Р. Дремичева</i>	461
С. Джонс «Разговор с Карлом»	
<i>Перевод А. Мироновой</i>	464